

XORIJIY MAMLAKATLARDA HUQUQIY MANFAATLARNI TARTIBGA SOLISHNING QIYOSIY HUQUQIY TAHLILI

G'ulomova Odina

Toshkent davlat yuridik universiteti magistr talabasi.

Toshkent, O'zbekiston.

odinakhamidova03@gmail.com

<https://doi.org/10.5281/zenodo.20326191>

Annotatsiya. Maqolada xorijiy mamlakatlarda huquqiy manfaatlarni tartibga solishning qiyosiy-huquqiy tahlili amalga oshiriladi. Unda huquqiy manfaat tushunchasining tarixiy shakllanishi va rivojlanish bosqichlari, qadimgi falsafiy qarashlardan tortib zamonaviy konstitutsiyaviy normalargacha bo'lgan evolyutsiyasi yoritilgan. Shuningdek, anglo-sakson va romano-german huquqiy tizimlaridagi yondashuvlar o'rtasidagi farqlar, xususan AQShdagi "standing" doktrinasi hamda Germaniyadagi "himoya normasi" nazariyasi tahlil qilingan.

Maqolada huquqiy manfaatni sud himoyasi obyekt sifatida aniqlash mezonlari, xususiyl, jamoat va davlat manfaatlari o'rtasidagi muvozanat masalalari ko'rib chiqiladi. Tadqiqot natijasida huquqiy manfaat zamonaviy huquqiy tizimning muhim elementi ekanligi hamda u huquqiy tartibga solishning moslashuvchanligini ta'minlashi asoslab beriladi.

Kalit so'zlar: huquqiy manfaat, qonuniy manfaat, qiyosiy-huquqiy tahlil, xorijiy huquqiy tizimlar, standing doktrinasi, himoya normasi, subyektiv huquq, sud himoyasi, ommaviy va xususiy manfaatlari, huquqiy tartibga solish.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВОВЫХ ИНТЕРЕСОВ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Аннотация. В статье проводится сравнительно-правовой анализ регулирования правовых интересов в зарубежных правовых системах. Рассматриваются этапы формирования и развития категории правового интереса — от древних философских учений до современного конституционного закрепления и судебной практики. Особое внимание уделяется различиям между англо-саксонской и романо-германской правовыми системами, включая доктрину «standing» в США и теорию защитной нормы в Германии.

Анализируются подходы к определению правового интереса как объекта судебной защиты, а также вопросы баланса частных, общественных и государственных интересов. Делается вывод о том, что правовой интерес является важным элементом современного правопорядка и обеспечивает гибкость правового регулирования.

Ключевые слова: правовой интерес, законный интерес, сравнительно-правовой анализ, зарубежные правовые системы, standing, защитная норма, субъективное право, судебная защита, публичные и частные интересы, правовое регулирование.

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE REGULATION OF LEGAL INTERESTS IN FOREIGN COUNTRIES

Abstract. The article presents a comparative legal analysis of the regulation of legal interests in foreign legal systems. It examines the formation and development of the concept of legal interest, from ancient philosophical doctrines to its modern constitutional recognition and judicial practice. Particular attention is given to the differences between the Anglo-Saxon and Romano-Germanic legal systems, including the doctrine of standing in the United States and the protective norm theory in Germany. The study analyzes approaches to defining legal interest as an object of judicial protection and explores the balance between private, public, and state

interests. It concludes that legal interest is an essential element of modern legal systems, ensuring flexibility in legal regulation.

Keywords: legal interest, legitimate interest, comparative legal analysis, foreign legal systems, standing doctrine, protective norm theory, subjective right, judicial protection, public and private interests, legal regulation.

Правовой интерес в сфере частноправовых отношений является одним из вечных и развивающихся сфер в праве. Оно способно причинить значительный экономический и моральный ущерб как гражданам, так и организациям, а также государству.

Прошедшие эксперименты и накопленный опыт показали, что правовой интерес в сфере частноправовых интересов сталкивается с рядом серьёзных вызовов, таких как принятие несправедливых решений, проблемы с обеспечением правосудие, также влияет договорных отношений. Эти проблемы требуют комплексных решений, включая не только практическое, но и теоретическое осмысление, так как вопросы правового регулирования, и доверия остаются на переднем плане обсуждения.

Категория правового интереса представляет собой сложный социально-исторический и юридический феномен, чья эволюция в зарубежной политико-правовой мысли прошла путь от древних философских учений до современного конституционного регулирования. В зарубежной практике правовой интерес рассматривается как фундаментальный элемент механизма правового регулирования, непосредственно связанный с социальной сущностью и ценностью права¹. Первые представления об интересе как инструменте гармонизации общества возникли в Древнем Китае, где Конфуций ставил реализацию государственных интересов выше личных, полагая, что народ нуждается в опеке просвещенных правителей, в то время как Мо-цзы призывал ориентироваться на интересы простых людей и искать способы совмещения частных устремлений в единую общественную целостность². В древнеиндийской традиции система жизненных интересов «purusrtha» включала в себя материальные блага, эстетические потребности, выполнение долга и духовное освобождение, что служило основой для гармонизации социальных отношений в кастовом обществе³. Античная эпоха привнесла в понимание интереса рациональность: Демокрит и Платон обосновывали приоритет общего (государственного) интереса для обеспечения стабильности полиса, тогда как Аристотель признавал важность защиты частных интересов и считал их естественным побуждением человека.

Эпикур внес значительный вклад в субъективацию интереса, связав его с личным стремлением к счастью и избавлению от страданий, а римский мыслитель Цицерон определил государство как общность людей, объединенных согласием в вопросах права и общностью интересов. Само слово «интерес» имеет латинское происхождение (inter esse — «находиться между») и изначально использовалось римскими юристами в практике кредитования для обозначения комиссии за ссуду⁴.

¹ Абрамова, О. В. Законный интерес как категория права и специфика его проявления в трудовом праве / О. В. Абрамова // Журнал российского права. – 2007. – № 8. – С. 3–11.

² Иеринг Р. Интерес и право: Правоспособность учредителей. Интерес и право. Непреодолимая сила / Р. Иеринг, пер. с нем. – Ярославль: Тип. Губернской земской управы, 1880. – 268 с.

³ Мартынюк И.О., Александров Д.В. Указ. соч. – С. 157.

⁴ Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. – 2016. – № 6 (90). – С. 175–176. 67
Макиавелли Н. Государь. О военном искусстве. – С. 63. 68

В Средневековье интерес трактовался преимущественно теологически (Августин, Фома Аквинский), когда общественные и человеческие устремления отождествлялись с божественной волей, а личные интересы часто воспринимались как греховный эгоизм и деструктивная сила, требующая жесткого контроля со стороны церкви и государства. Эпоха Возрождения и Нового времени ознаменовалась освобождением категории интереса от теологии: Никколо Макиавелли ввел понятие государственного интереса (*ragione di stato*) как высшей цели политики, признав при этом огромную роль материальных интересов социальных групп в историческом процессе. Мыслители Просвещения, такие как Томас Гоббс и Джон Локк, рассматривали интерес через призму общественного договора, где главной целью государства провозглашалась защита гражданских интересов, собственности и безопасности. Клод Адриан Гельвеций сформулировал «закон интереса», назвав его мерой всех человеческих поступков и основой духовного мира человека⁵. В немецкой классической философии Иммануил Кант определил интерес как важнейший стимул поведения мыслящего существа и выделил нравственный интерес, позволяющий согласовывать частные и общие цели. Георг Гегель рассматривал государство как носителя объективного интереса, в котором находит примирение все многообразие индивидуальных стремлений гражданского общества.

Огромное влияние на мировую юриспруденцию оказал Рудольф фон Иеринг, который определил право как юридически защищенный интерес, утверждая, что целью любого закона является обеспечение условий существования общества путем принуждения. В современной зарубежной практике категория «законный интерес» выступает как самостоятельный объект правовой охраны, отличный от субъективного права; это закреплено в конституциях многих стран, например, в статье 24 Конституции Италии, гарантирующей право защищать свои законные интересы в суде, а также в основных законах Швейцарии, Болгарии, Румынии и стран СНГ⁶. С теоретической точки зрения в зарубежной и отечественной науке правовой интерес рассматривается как особое правоотношение, имеющее структуру, состоящую из субъекта (интересанта), объекта (правовой ценности) и содержания в виде прав и обязанностей, обеспечивающих его реализацию. Под законным интересом понимается юридическое дозволение, выраженное в стремлении субъекта пользоваться социальным благом и возможности обращения за государственной защитой, что позволяет учитывать потребности личности даже в тех случаях, когда они прямо не закреплены конкретной правовой нормой. Таким образом, сравнительно-правовой анализ показывает устойчивую тенденцию к признанию правовых интересов личности и общества фундаментом современного правопорядка и демократического государственного управления.

Аналогичный подход закреплен в Основном законе Швейцарии (ст. 34), а также в конституциях Болгарии и Румынии, что подтверждает значимость этой категории для современных демократических правопорядков. Теоретическим фундаментом для такого регулирования во многом послужила немецкая правовая мысль, в частности учение Рудольфа фон Иеринга, который определил право как юридически защищенный интерес и доказал, что целью любого закона является обеспечение жизненных требований личности

⁵ Гельвеций К.А. Соч.: в 2 т. Т. 1. Об уме. – М.: Мысль, 1973. – С. 343

⁶ Горбань В.С. Критика концепции борьбы за право Иеринга в досоветской философско-правовой и юридической литературе / В.С. Горбань // Теория и практика общественного развития. – 2017. – № 4. – С. 84–88.

и общества через государственное принуждение. В немецкой классической философии Иммануил Кант и Георг Гегель также внесли вклад в это понимание, разграничив нравственные и материальные интересы и представив государство как носителя объективного интереса, в котором примиряется многообразие индивидуальных стремлений.

В свою очередь, французский опыт внес значительный вклад в развитие концепции государственного интереса (*raison d'état*), где кардинал Ришелье обосновал приоритет интересов страны над религиозными и сословными целями, введя принцип «государственной причины» для защиты суверенитета даже в обход обычных законов⁷.

Этот прагматичный подход позже трансформировался в англо-американской традиции в концепцию «национального интереса», разработанную такими учеными, как Ганс Моргентау, которые рассматривали его как выражение жизненно важного единства народа внутри политической системы, что стало базовым понятием для западной политологии и внешней политики. Современная практика развитых стран в рамках Европейского союза сталкивается с необходимостью балансировки наднациональных интересов и национального суверенитета, что нашло отражение в Лиссабонском договоре, подтвердившем, что даже в условиях высокой интеграции государства стремятся сохранить верховенство своих фундаментальных интересов⁸. Этот баланс также прослеживается в деятельности международных судов, таких как ЕСПЧ, где конституционные системы развитых стран (например, Германии или Италии) сохраняют свою идентичность, признавая верховенство национальных норм в вопросах, затрагивающих коренные интересы государства. Таким образом, сравнительный анализ показывает, что в развитых странах правовой интерес эволюционировал от инструмента монархической власти к сложному правовому механизму, обеспечивающему защиту потребностей личности и суверенитета нации.

Сравнительно-правовой анализ регулирования правовых интересов в зарубежной практике выявляет глубокие различия в подходах к определению того, какой именно интерес заслуживает судебной защиты. В странах англо-саксонской правовой семьи, прежде всего в США, ключевой категорией выступает доктрина «standing», которая неразрывно связывает правовой интерес с понятием фактического ущерба (*injury in fact*).

В американской практике правовой интерес не может быть абстрактным или основанным исключительно на желании соблюсти законность; истец обязан доказать, что он понес или неминуемо понесет конкретный, персонализированный вред, что подтверждается классическим прецедентом *Lujan v. Defenders of Wildlife*. Даже в делах о защите персональных данных, как в деле *Spokeo, Inc. v. Robins*, Верховный суд США подчеркивает, что техническое нарушение закона без реальных негативных последствий для лица не создает достаточного правового интереса для обращения в суд. Таким образом, американская модель носит ярко выраженный прагматический характер, где интерес практически всегда эквивалентен осязаемому убытку.

⁷ Краснокутский В.Г. Габриэль Феликсович Шершеневич /В.Г. Краснокутский // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2015. – № 1 (5). – С. 220–223

⁸ Журнал российского права. – 2005. – № 12 (108). – С. 19. 427 Шумков Д.В. Государственный суверенитет России: история и современность: монография. – СПб., 2002. – С. 12

Совершенно иной подход демонстрирует континентальная правовая система, в частности Германия, где категория интереса теоретически обоснована через «субъективное публичное право» и доктрину «защитной нормы» (Schutznormtheorie).

Согласно этой концепции, гражданин обладает правовым интересом в оспаривании действий государства только в том случае, если нарушенная норма законодательства была специально направлена на защиту его частных прав, а не на благо общества в целом. Это создает более жесткий фильтр: например, в спорах о строительстве сосед может заявить о своем интересе, если нарушены правила инсоляции его участка, но не сможет апеллировать к нарушению общих экологических регламентов, так как они защищают публичный интерес, а не его субъективное право. Различие подходов наиболее отчетливо проявляется в механизмах защиты интересов больших групп лиц: если в США институт групповых исков (class actions) позволяет агрегировать интересы тысяч людей в рамках одного процесса на основе схожести их ущерба, то в европейских странах предпочтение отдается представительским искам через аккредитованные организации. В Европе правовой интерес в таких случаях часто признается не за случайным лидером группы, а за институционально оформленным субъектом, таким как общество защиты прав потребителей. В конечном итоге, если в США правовой интерес является инструментом индивидуальной материальной компенсации, то в европейской традиции он выступает механизмом восстановления нарушенного правового порядка в тех пределах, которые законодатель отвел конкретному субъекту. Такое разнообразие подходов обусловлено историческим пониманием роли суда: как арбитра в частном споре о вреде в англосаксонской традиции или как гаранта законности и защиты субъективных прав в романо-германской системе.

В результате проведенного сравнительно-правового анализа можно сделать вывод о том, что категория правового интереса прошла сложный путь эволюции — от философско-этического осмысления до закрепления в качестве самостоятельного объекта правовой защиты в современных правовых системах. Зарубежный опыт свидетельствует о постепенном переходе от приоритета исключительно государственных интересов к признанию значимости интересов личности и необходимости их гармонизации с публичными целями.

Современные правовые системы рассматривают законный интерес как гибкий юридический инструмент, позволяющий учитывать разнообразие социальных потребностей, в том числе в ситуациях, когда субъективное право не имеет прямого нормативного закрепления. Это придает правовому регулированию большую адаптивность и способствует более полной реализации принципов справедливости и правового государства.

Анализ зарубежных моделей показывает, что эффективное функционирование института правового интереса обеспечивается его конституционным признанием, развитием судебной практики и доктринальным осмыслением. При этом особое значение приобретает баланс между частными, общественными и государственными интересами, который является необходимым условием устойчивости демократического правового порядка.

Таким образом, категория правового интереса выступает не только как теоретическая конструкция, но и как практический механизм защиты и согласования интересов различных субъектов.

Использование зарубежного опыта может способствовать дальнейшему совершенствованию национального законодательства и правоприменительной практики, в том числе в направлении более чёткого определения правового статуса законного интереса и расширения гарантий его защиты.

Список использованной литературы:

1. Абрамова О. В. Законный интерес как категория права и специфика его проявления в трудовом праве // Журнал российского права. – 2007. – № 8. – С. 3–11.
2. Гельвеций К. А. Соч.: в 2 т. Т. 1. Об уме. – М.: Мысль, 1973. – С. 343.
3. Горбань В. С. Критика концепции борьбы за право Иеринга в досоветской философско-правовой и юридической литературе // Теория и практика общественного развития. – 2017. – № 4. – С. 84–88.
4. Журнал российского права. – 2005. – № 12 (108). – С. 19.
5. Иеринг Р. Интерес и право: Правоспособность учредителей. Интерес и право. Непреодолимая сила / пер. с нем. – Ярославль: Тип. Губернской земской управы, 1880. – 268 с.
6. Краснокутский В. Г. Габриэль Феликсович Шершеневич // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2015. – № 1 (5). – С. 220–223.
7. Макиавелли Н. Государь. О военном искусстве. – С. 63.
8. Мартынюк И. О., Александров Д. В. Указ. соч. – С. 157.
9. Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. – 2016. – № 6 (90). – С. 175–176
10. Шумков Д. В. Государственный суверенитет России: история и современность: монография. – СПб., 2002. – С. 12.